

*А. ЯКОВЛЕВ,
кандидат экономических наук,
директор Института анализа
предприятий и рынков НИУ ВШЭ*

МАССОВЫЕ ПРОТЕСТЫ В МОСКВЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИЧЕСКИХ АНАЛОГИЙ*

Бурные политические события в декабре 2011 г., связанные с протестами против фальсификации результатов прошедших парламентских выборов, поставили ряд серьезных вопросов перед экспертным сообществом. На первый из них — почему десятки тысяч людей в Москве вышли на улицы и чего они хотят? — ответ, в общем, дан. Люди устали от вранья властей и хотят честных выборов. При этом массовый характер протестов показал внутреннюю неустойчивость «вертикальной» системы взаимоотношений государства с обществом и бизнесом, выстроенной в России в 2000-е годы¹. Однако вопрос о реальных последствиях декабрьских протестов остается открытым. Чтобы ответить на него, целесообразно обратиться к историческим аналогиям. При этом, как часто бывает, они могут оказаться полезными для понимания того, чем *не являются* события в России.

Аналогия первая: «цветные революции» или «арабская весна»?

На фоне стихийно вспыхнувших весной 2011 г. революций в Тунисе, Египте и Ливии, закончившихся свержением коррумпированных диктаторов, многие представители российской «демократической оппозиции» предрекали такое же развитие событий и для «путинского режима», но через пять—семь лет, когда будут исчерпаны все резервы

* В основе статьи — результаты, полученные в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Статья отражает только личную точку зрения автора. Автор выражает искреннюю признательность В. Полтеровичу, Б. Кузнецову, В. Дребенцову, В. Попову, И. Стародубровской за комментарии к первой версии данной работы, а также благодарен А. Аузану, А. Пономореву и Н. Митрохину за содержательную дискуссию по этой теме.

¹ Вопреки декларациям о «диктатуре закона», эта система, как подчеркивает А. Леденева, держалась на механизмах «ручного управления» и отношениях в рамках неформальных деловых сетей (*Ledeneva A. Cronies, Economic Crime and Capitalism in Putin's Sistema // International Affairs. 2012. Vol. 88, No 1. P. 149–157.*

и станет нечем платить по социальным обязательствам. Однако основную массу протестующих на Ближнем Востоке составляли молодые безработные из низших социальных слоев, а сами протесты закончились кровопролитными столкновениями с властями с риском сползания в хаос и гражданскую войну².

Россия не застрахована от подобного развития событий — достаточно вспомнить о столкновениях на национальной почве в Кондопоге в августе 2006 г. или выступлениях футбольных фанатов на Манежной площади в декабре 2010 г. Между тем в декабре 2011 г. в Москве на Болотную площадь и проспект Сахарова вышли успешные, образованные горожане в возрасте от 30 до 45 лет, которые стремились избежать силового противостояния с властями. По социальному составу митингующих и характеру протестов (включая основной повод — фальсификации на выборах) к московским событиям гораздо ближе украинская «оранжевая революция» 2004—2005 гг.

Но и здесь имеются серьезные отличия. За митингами на Майдане стояла реальная политическая конкуренция, опиравшаяся на сильные оппозиционные партии во главе с В. Ющенко и Ю. Тимошенко и поддержку значительной части национального бизнеса. В Москве ничего подобного не было: по реакции самих митингующих на выступления основных «оппозиционеров» было очевидно, что они не выражают настроения людей, стоящих перед трибунами.

Аналогия вторая: «70—80» и новая «перестройка»?

В последние два-три года путинское десятилетие часто сравнивали с периодом «позднего Брежнева». Появилось даже условное обозначение «70—80», одновременно отсылавшее читателя к 1970—1980-м годам и к цене на нефть 70—80 долл./барр., которая, по оценкам экспертов, позволяла поддерживать стабильность политического режима³.

Однако если период 1970—1980-х однозначно характеризовался как «застой», то при всех разговорах о нарастании коррупции и отсутствии инноваций 2000-е годы застоем назвать нельзя. Гораздо более адекватной тут представляется аналогия с другим периодом советской истории — с 1920-ми годами. Первый раз эта аналогия возникла три года назад, когда в самый разгар экономического кризиса в одном неформальном разговоре о состоянии и структуре нашей элиты вдруг прозвучали характерные термины 1920-х годов — «буржуазные специалисты» и «военспецы». Именно в этих терминах коллеги, хорошо

² Такое развитие событий, к сожалению, согласуется с логикой, представленной в книге Д. Норта и др. (см.: *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011). По мнению Норта и его коллег, в обществах с несовершенными институтами устранение барьеров на пути доступа к экономической и политической активности одновременно размывает источники ренты, удерживающие влиятельные социальные группы от применения насилия. В отсутствие диалога между элитами подобные вспышки насилия приводят к разрушительным последствиям, которые могут многократно перекрыть позитивные эффекты от экономической и политической либерализации.

³ См., например: *Гуриев С., Цывинский О.* Ratio Economica: Сценарий 70—80 // Ведомости. 2010. 19 янв. А4. www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/01/19/223144.

знавшие изнутри сложившуюся систему принятия решений, определяли роль московских «либеральных технократов» по отношению к «питерской группе», которая составляет костяк сегодняшней правящей элиты. Ассоциация с 1920-ми вновь возникла на конференции «Twenty Years after Collapse of the Soviet Union», проходившей в начале декабря 2011 г. в Берлине⁴. Помимо экономистов в ней участвовали историки, социологи, литературоведы. От их докладов, а также от общения в кулуарах оставалось интересное ощущение.

И в 1920-е, и в 2000-е годы происходило укрепление политического режима с опорой на одну политическую партию. В 1920-е это сопровождалось «философскими пароходами», ОГПУ, Соловками и «делом Промпартии». Сегодня это контроль за центральным ТВ, «высылка» Гусинского с Березовским и дело ЮКОСа, захват «Евросети» и дело Магнитского. Однако, как и в 1920-е, сегодня выходят разнообразные СМИ, полиция разгоняет митинги оппозиции, а блогер Навальный разоблачает коррупцию в госзакупках. Тогда была популярна борьба с бюрократизмом, в качестве оппозиции разгоняли троцкистов, а митинги — как и сейчас — в основном проходили в столицах. При этом и в 1920-е, и в 2000-е выходили десятки новых книг, фильмов и спектаклей, шли бурные общественно-политические дискуссии. В обоих случаях после большого хаоса и разрухи наступало десятилетие экономического роста и активной общественной жизни.

Известно, чем закончились 1920-е годы. Объективные экономические противоречия между городом и деревней правящая партийная элита попыталась разрешить методами коллективизации и индустриализации, которые перешли в террор 1930-х годов. Противоречия несбалансированного роста проявились и в 2000-е годы. Во многом они стали объективной предпосылкой для перехода к специфической российской модели госкапитализма с фактической национализацией природной ренты после «дела ЮКОСа» и завоеванием государством «командных высот» в экономике⁵.

Может ли сегодняшняя власть пойти дальше в своих «поисках врагов» и начать массовые репрессии? Едва ли. В 1920-е годы страной управлял квазирелигиозный орден, многие представители которого фанатично верили в коммунистические идеи и ради них были готовы погибнуть сами и положить полстраны. Сегодняшняя правящая верхушка — это не фанатики, а прагматики. Они зависят от Европы и США гораздо сильнее, чем все нынешние «оппозиционеры», поскольку дети у них в Лондоне, виллы — на Лазурном берегу, а счета — в Швейцарии или на Багамах. При этом недавние примеры Мубарака и Каддафи показывают, что вывезенные из страны миллиарды ни от чего не спасают. Поэтому прагматизм нынешней российской элиты может стать предпосылкой к движению в сторону здравого смысла и к компромиссам с обществом.

⁴ См.: www.kompost.uni-muenchen.de/events/ende_su/program_en_111124.pdf.

⁵ См.: Lane D. From Chaotic to State-led Capitalism // New Political Economy. 2008. Vol. 13, No 2. P. 177–184; Яковлев А. А. Государственный капитализм, коррупция и эффективность госаппарата // Общественные науки и современность. 2010. № 4. С. 18–25.

Таким образом, сравнение с 1920-ми годами позволяет понять, почему в декабре 2011 г. власть явно дала команду не применять силу и скорее всего не будет применять ее и дальше. Однако это сравнение не проясняет, какая позитивная программа может реально объединить разных людей, вышедших на декабрьские митинги в Москве.

Аналогия третья: «прогрессисты» XXI века?

В свое время российские 1990-е годы часто сравнивали с периодом «дикого капитализма» в США конца XIX в.⁶ Это сравнение обычно касалось способов «первоначального накопления капитала». Однако оно в полной мере относится к политической системе и госаппарату — степень их коррумпированности в США тогда превосходила сегодняшний уровень в России.

Начало этому процессу положил основатель Демократической партии и президент США в 1829—1837 гг. Э. Джексон. В частности, наряду с допуском к участию в выборах всех белых мужчин он ввел так называемую *spoils system* — распределение государственных должностей среди сторонников партии, победившей на выборах. Одним из наиболее ярких проявлений этой системы стала деятельность сенатора У. Твида ('Boss' Tweed), который на базе благотворительного общества Tammany Hall создал «политическую машину» Демократической партии в Нью-Йорке и контролировал с ее помощью назначения на все ключевые должности в штате, а также «распределял» государственные заказы⁷.

Так, в 1858 г. Твид провел через сенат штата постановление о строительстве нового здания администрации округа. Из средств штата на проект изначально было выделено 250 тыс. долл. Затем в течение 13 лет на строительство было направлено еще почти 13 млн долл., включая 5,6 млн на мебель, ковры и шторы, что превышало годовые расходы федерального правительства на содержание всей почтовой службы США. К 1871 г. строительство и отделка здания не были завершены. По свидетельствам современников, откаты лично Твиду по распределявшимся им контрактам составляли 65%. Считается, что с 1857 по 1870 г. Твид и его приближенные изъяли в свой карман из бюджета Нью-Йорка в общей сложности от 30 млн до 200 млн долл. (в сегодняшних ценах эта сумма превышает состояния Абрамовича и Березовского, вместе взятые).

Несмотря на откровенное воровство, Твид пробыл у власти почти 20 лет. Это стало возможным, потому что назначенные им полицейские во время выборов не пускали оппозиционных избирателей на избирательные участки и закрывали глаза на «карусели» с многократным голосованием иммигрантов, нанятых Твидом и его подручными. Одновременно подкупленные прокуроры и судьи блокировали иски против него в судах. В 1870 г. Твид проиграл выборы, попал под суд и закончил свои дни в тюрьме. Однако «политические машины» стали повсеместным явлением в американской политике, а Tammany Hall вплоть до 1930-х годов оставался одной из наиболее влиятельных организаций в Демократической партии.

⁶ Пожалуй, наиболее полно такое сравнение проведено в: Волков В. «Дело Standard Oil» и «дело ЮКОСа» // Pro et Contra. 2005. Сент.—окт. С. 66—91.

⁷ См.: Knott J. H., Miller G. J. Reforming Bureaucracy: The Politics of Institutional Choice. Prentice-Hall, 1987. P. 18—19.

«Слияние с властью» во многом обусловило стремительный рост монополий в промышленности, на транспорте и в банковском секторе: оно позволяло предпринимателям добиваться льгот и привилегий и устранять нежелательных конкурентов, а расходы на взятки политикам компенсировать последующим увеличением цен и тарифов⁸. Протест против подобных «гримас капитализма» в США в начале XX в. стал основой широкого общественного движения «прогрессистов». Его пик пришелся на годы президентства Т. Рузвельта. Основные требования «прогрессистов» сводились к улучшению государственного управления и выполнению государством (прежде всего на муниципальном и региональном уровнях) своих функций по контролю за тарифами монополий, обеспечению безопасности, содержанию школ и почтовой службы, строительству и ремонту дорог.

Как отмечали в указанной работе Дж. Нотт и Дж. Миллер, социальная база «прогрессистов» была чрезвычайно неоднородной. Она включала не менее пяти социальных групп:

- бывшие «популисты» — фермеры и мелкие предприниматели с Запада и Юга, которые протестовали против роста тарифов на услуги железнодорожных компаний и банков и выступали за введение антимонопольного регулирования;

- «джентльмены-реформаторы» — представители аристократических семей с Восточного побережья. Они считали необходимым внедрить на государственной службе принципы меритократии и «научного менеджмента». По их инициативе в 1906 г. было создано Нью-Йоркское бюро муниципальных исследований (New York Bureau of Municipal Research), которое в течение 20 лет проводило большую работу по выявлению, анализу и распространению лучших практик муниципального управления;

- представители среднего класса в больших городах (инженеры, врачи, учителя). Они требовали, чтобы вместо раздачи должностей своим сторонникам и поощрения крупных корпораций власти «выполняли свою работу», обеспечивая уборку улиц, защиту от бандитизма, нормальное обучение детей в школах;

- мелкие и средние городские предприниматели, которые хотели, чтобы полиция защищала бизнес от гангстеров, пожарная охрана на деле предотвращала пожары, а почтовые отправления доставлялись в срок;

- «социальные реформаторы» — представители высших и средних слоев. Они считали необходимым гарантировать минимально пристойные стандарты жизни для городской бедноты и, наряду со сбором пожертвований для сирот и бездомных, требовали внедрить в городах санитарные стандарты для предотвращения массовых заболеваний.

«Прогрессисты» не ассоциировались с традиционными политическими партиями (поскольку и республиканцы, и демократы в тот

⁸ В отличие от нынешней российской ситуации федеральное правительство в США в тот период было чрезвычайно слабым, при этом сохранялась конкуренция между штатами, на уровне которых велась вся реальная политика. Иными словами, если у нас плохой деловой климат порождает отток капитала в Европу или в офшоры, то там бизнес мог уйти в соседний штат. Такое «голосование ногами» создавало определенные предпосылки для развития институтов.

период были одинаково продажны), составляя меньшинство среди американских избирателей, которые в начале XX в. в целом мало отличались от наших сегодняшних сограждан с их низкой готовностью тратить время на защиту собственных прав и еще более низкой склонностью к коллективным действиям.

Основные достижения «прогрессистов» выразились во внедрении новых принципов организации государственной службы, включая отделение политики от администрирования, наем на государственные должности профессиональных управленцев, отбираемых по критериям компетентности и квалификации, разработку и применение административных регламентов, введение иерархии, организационной специализации и ясно очерченной ответственности должностных лиц. Этот процесс начался с уровня муниципалитетов и отдельных штатов (где «прогрессисты» проводили свои реформы, играя на противоречиях между демократами и республиканцами) и лишь в 1920—1930-е годы охватил федеральные агентства и службы. Но и сегодня считается, что именно движение «прогрессистов» привело к созданию современной эффективной системы государственного управления в США и позволило существенно ограничить масштабы коррупции в государственном аппарате.

Извлекая уроки из прошлого

Могут ли идеи «прогрессистов» спустя 120 лет стать основой общественного движения, которое выплеснулось на улицы Москвы после декабрьских выборов? И да, и нет. Очевидно, что мы живем в другом веке, с совершенно иными технологиями. Например, совершенствование почтовой службы (считавшееся острой проблемой для «прогрессистов», которые приводили в пример своим современникам эффективную организацию почты в Германии и Англии, несмотря на сохранение там монархического общественного порядка) для нас сегодня не столь актуально. Однако общие идеи подотчетности власти и устранения коррупции из политики, повышения эффективности предоставления услуг государственными учреждениями, создания механизмов «обратной связи» с активными избирателями в условиях, когда бóльшая часть избирателей пассивна и подвержена разного рода манипуляциям, вполне транслируются на сегодняшнюю российскую действительность.

Подчеркнем, что эти идеи уже высказывались в работах российских экспертов⁹. Более того, «либеральные технократы», сотрудничающие с властью (наш аналог «джентльменов-реформаторов» в США начала XX в.), в той или иной мере пытались реализовать эти идеи, включая реформу госзакупок, ужесточение антимонопольного законо-

⁹ См.: Полтерович В. М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 24—50; Кузьминов Я. И. Модернизация государства: идеи и контуры // Инвестиционный климат и перспективы экономического роста в России. Кн. 1 / Под ред. Е. Г. Ясина. М.: ВШЭ, 2001. С. 191—201; Коалиции для будущего. Стратегии развития России. М.: РИО-Центр, 2007.

дательства, декларирование доходов чиновников. Однако все эти «реформы сверху» запускались при отсутствии общественного движения в их поддержку и без реального учета интересов граждан. В результате влиятельные «группы интересов» в политической и бизнес-элите успешно блокировали их.

Декабрьские протесты в Москве показали, что десятилетие экономического роста и социально-политической стабильности привело к формированию слоя, который хочет иметь право голоса и готов оказывать давление на власть. Выход на политическую арену этого активного и успешного меньшинства — шанс для страны. Только подобное осознанное и постоянное давление снизу может заставить людей во власти пойти на создание других «правил игры», которые ограничивали бы существующую элиту в реализации ее частных интересов за счет интересов общества¹⁰.

Однако будет ли использован этот шанс — зависит от здравого смысла правящей элиты, поскольку новые институты возникают не на митингах, а во взаимодействии основных элитных групп¹¹. В нашем случае это высшая федеральная и региональная бюрократия, силовики, крупный бизнес, руководители крупных бюджетных организаций. В известном смысле российская элита сейчас находится в положении барона Мюнхгаузена, которому нужно за волосы вытащить себя из болота. Если этого не произойдет в ближайшие годы, то через 7—10 лет сегодняшние события в Египте, Йемене или Ливии могут стать реалистичными сценариями для России. Избежать этого можно, если представители элиты с помощью экспертного сообщества смогут договориться друг с другом о новых, более честных и более прозрачных «правилах игры», обеспечивающих возможности «социального лифта» и открывающих новым игрокам доступ в бизнес и политику.

¹⁰ Этот тезис убедительно обоснован в: *Acemoglu D., Robinson J. A. Economic Origins of Dictatorship and Democracy. Cambridge University Press, 2006.*

¹¹ См.: *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Указ. соч.*